

УДК 792.8

НА ЗАРЕ СОВЕТСКОГО БАЛЕТА: БАЛЕТНАЯ ТРУППА МАРИИНСКОГО ТЕАТРА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1918 ГОДА

*Гордеев П. Н.*¹

¹ Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, наб. Мойки, д. 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия.

История балетной труппы государственного (бывшего императорского) Мариинского театра в первые месяцы Советской власти до сих пор изучена недостаточно. Вслед за кратким периодом антибольшевистского «саботажа», в целом завершившимся в январе 1918 года, наступило время, когда балетной труппе предстояло найти свое место в новых политических реалиях. Большую роль в жизни артистов в это время играли органы и механизмы самоуправления: выборный комитет и общие собрания труппы. На заседаниях обсуждались самые разные темы: от идейных и творческих вопросов до лавинообразно нараставших бытовых проблем. В первой половине 1918 года труппа прошла большой путь от осторожного начала переговоров с большевиками до фактически полного встраивания в советскую систему государственной власти. Изучению этого периода посвящена предлагаемая статья, основанная преимущественно на документах архивного фонда «Комитет государственной Петроградской балетной труппы», хранящегося в Российском государственном архиве литературы и искусства.

Ключевые слова: русский балет, советский балет, Мариинский театр, Октябрьская революция, Т. П. Карсавина, М. М. Фокин.

AT THE DAWN OF THE SOVIET BALLET: THE MARIINSKY BALLET COMPANY IN THE FIRST HALF OF 1918

*Gordeev P. N.*¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48, Moika Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation.

The history of the ballet troupe of the state (former Imperial) The Mariinsky Theatre in the first months of Soviet power has still not been studied enough. Following a brief period of anti-Bolshevik “sabotage”, which generally ended in January 1918, the time came when the ballet company had to find its place in the new political realities. At that time, self-government bodies and mechanisms played an important role in the life of artists: an elected committee and general meetings

of the troupe. A variety of topics were discussed at the meetings, from ideological and creative issues to avalanche-like growing household problems. In the first half of 1918, the troupe went a long way, from cautiously starting negotiations with the Bolsheviks to actually fully integrating into the Soviet system of state power. The proposed article is devoted to the study of this period, based mainly on the documents of the archival fund “Committee of the State Petrograd Ballet Company”, stored in the Russian State Archive of Literature and Art.

Keywords: Russian ballet, Soviet ballet, Mariinsky Theatre, October Revolution, T. Karsavina, M. Fokine.

Художественная деятельность артистов прославленного Мариинского балета всегда находилась и в фокусе внимания публики, и в сфере профессиональных интересов театроведов. Внутренняя жизнь труппы известна гораздо меньше, хотя в переломные эпохи, на фоне крушения вековых устоев и исчезновения привычных жизненных удобств, и она представляет значительный интерес. Настоящее исследование ставит своей целью ликвидацию одного из подобных «белых пятен», а именно изучение истории балетной труппы в первой половине 1918 года. Статья базируется преимущественно на материалах фонда 657 («Комитет государственной Петроградской балетной труппы (1917–1919)»), хранящегося в Российском государственном архиве литературы и искусства. Отложившиеся там документы сравнительно малоизвестны исследователям (с, пожалуй, наиболее интересным делом № 7, содержащим в себе протоколы общих собраний и заседаний комитета труппы, до автора этих строк знакомилась, согласно «листу использования», лишь два исследователя — оба в 1970-х годах, не делая выписок). Возможно, причиной столь слабого интереса было хранение «петербургских» документов в московском архиве. Так или иначе, материалы этого небольшого фонда (одна опись, всего 17 дел) весьма информативны и нуждаются во введении в научный оборот.

В январе 1918 года артисты Мариинского балета, пройдя период сомнений и колебаний во время так называемого «саботажа», официально признали власть большевиков, оговаривая лишь необходимость сохранения своей внутренней автономии, на которую представители Советского правительства на первых порах не покушались [1, с. 6–17]. Несмотря на периодически просачивавшиеся в прессу идеи «призвать» наш государственный балет на служение народным массам» с выступлениями танцовщиков «в манежах, на особых праздниках, организуемых для солдат петроградского гарнизона» [2, с. 9], жизнь постепенно входила в накатанную колею. Временное невмешательство А. В. Луначарского и его назначенцев (еще только формировавших аппарат Наркомпроса) в дела труппы вкупе с разрушением старой системы управления

театральным ведомством (все руководство которого во главе с главноуполномоченным по государственным театрам Ф. Д. Батюшковым было уволено за неподчинение большевикам) дало самим артистам широкие возможности для определения условий, принципов своей будущей работы и одновременно поставило перед танцовщиками целый ряд новых проблем, требовавших срочного решения.

«Общая разруха»: кризис управления

Конец февраля и начало марта 1918 года балетная труппа провела в долгих и напряженных заседаниях. Общее собрание 25 февраля (все даты после 14 (1) февраля 1918 года приводятся по новому стилю), проходившее под председательством артиста Н. А. Исаева, началось с оглашения заявления балерины Е. А. Смирновой об отказе продолжать службу «при создавшихся условиях управления труппой». Собравшиеся решили просить Смирнову остаться, а Комитет балетной труппы — уладить «возникший с Е. А. Смирновой инцидент». После этого балерина вторично взяла слово и сообщила, что «причиной ее отказа является не недоверие и недовольство Комитетом, а “общая разруха” (отношение к делу всей труппы)», а также то, «что отставки она назад не берет, но вернется в состав труппы не раньше, чем ликвидируется существующая разруха». Очевидно, что подобные заявления сами по себе лишь усиливали разруху, на что намекнул управляющий труппой И. Н. Иванов, отметив, что «даже временное отсутствие Е. А. Смирновой отразится пагубно на ближайшем репертуаре» (несмотря на выступление авторитетного Иванова балерина вновь отказалась взять назад свое заявление). В ходе последующих прений большинством голосов было признано, «что существующий развал является причиной [так в тексте. — П. Г.] недостаточно серьезного отношения к делу самих членов корпорации», а также отмечены «неустойчивость авторитета существующей власти (самоуправления) и необходимость установить твердую власть». Посыпались предложения возможных мер по исправлению ситуации: Л. С. Леонтьев полагал необходимым «установить единоличную или коллективную власть с неограниченными полномочиями», А. И. Бочаров — «воззвать к сознательному отношению», А. Н. Маслов — «создать нормальный устав службы».

В открывшейся дискуссии прозвучали и заявления, свидетельствующие о недовольстве части балетной труппы своим Комитетом. Е. В. Лопухова предложила переизбрать его «на фракционных началах» (интересное замечание, указывающее на наличие «фракций» внутри труппы), а П. И. Гончаров считал нужным «переизбрать комитет в целях пополнения лицами, более авторитетными в делах художественных», а также провести разделение труда, возложив административные дела на Режиссерское правление, а художественную сторону поручить одному или двум лицам под контролем Комитета. После

этих выступлений большинством голосов было решено переизбрать состав Комитета. Тогда взял слово председатель Комитета А. Ю. Медалинский, объявивший, что «Комитет, усматривая в переизбрании недоверие старому составу, слагает с себя всякие полномочия». После этого труппа стала единогласно просить Комитет не слагать полномочий «до реорганизации», к чему присоединилась и возмутительница спокойствия Смирнова, заявившая также «о своем желании остаться “во имя дела” в составе труппы». Несмотря на всеобщие просьбы задержаться пока на своем посту, Медалинский не пожелал к ним прислушаться и гордо покинул зал, где проходило собрание. Тогда по предложению управляющего труппой Иванова, еще раз обратившего внимание собравшихся на то, что внезапная отставка Комитета «может угрожающе повлиять на дела (текущие) срочного характера», общим собранием было составлено письмо в этом духе на имя Медалинского с просьбой повременить до реорганизации. Вскоре после этого собрание, лишившееся кворума, завершилось [3, л. 46–47 об.].

Три дня спустя, 28 февраля, члены балетной труппы вновь сошлись на общее собрание (опять под председательством Исаева), первым пунктом повестки которого значился вопрос о переизбрании Комитета. Было решено избрать в этот важный орган, находившийся в центре всей системы театрального самоуправления, столь популярного в то время, семерых человек (кроме тех, кто занимал должности по управлению труппой). При этом выборы запланировали многоступенчатые, решив пока что избрать лишь «кандидатов к баллотированию» в члены Комитета. По итогам голосования более всех голосов (85) получил прежний председатель Комитета Медалинский; за ним из 35 человек, за которых были поданы записки, в первую десятку вошли И. Ф. Кшесинский и П. Н. Петров (набравшие по 66 голосов), Т. П. Карсавина (60), Л. С. Леонтьев (38), Б. Г. Романов (32), А. А. Алексеев (26), П. Н. Владимиров и П. И. Гончаров (по 24), Н. А. Исаев (22). Впрочем, Романов, Владимиров, Гончаров и еще 16 артистов заявили об отводе своих кандидатур, не собираясь принимать участие в дальнейшей борьбе за власть [3, л. 48–49]. Отметим, что Медалинский, Кшесинский, Петров, Карсавина и Алексеев входили и в прежний состав Комитета [3, л. 41–44]; тот факт, труппа, проголосовав за переизбрание, выбрала именно их, заставляет усомниться в наличии у нее сколько-нибудь продуманного плана действий.

На этом же собрании (28 февраля) с отдельным заявлением выступил режиссер балетной труппы Н. К. Иванов. Он объяснил коллегам, что не принимал участие в перевыборах, так как Комитет избирался в 1917 году на два года, и «никаких порочащих его деяний за время своего управления и службы, без всякого вознаграждения от Балетной Труппы, Комитет не проявил». Поэтому, продолжал Иванов, «акт переизбрания нахожу тяжелым

нравственным ударом и совершенно незаслуженным оскорблением для Членов Комитета, являющихся также Членами нашей корпорации и нашими товарищами». Решение провести новые выборы Комитета, по мнению Иванова, доказывало, «что честному слову Труппы (гарантирующему своим выборным два (2) года службы) верить нельзя, но ее выборные могут служить и работать для пользы дела, лишь заключив с труппой контракт, т. к. используя труд и работы выборных без всякого материального вознаграждения, Труппа без всяких причин и оснований выразит недоверие и нанесет оскорбление под видом “переизбрания”». Не желая участвовать в подобном, Иванов просил считать его «не уклонившимся от исполнения своего долга, а воздержавшимся» [3, л. 49–49 об.]. Какое-либо обсуждение этого, в общем обидного для большинства артистов заявления, в протоколе не зафиксировано.

Следующее общее собрание состоялось 6 марта (председателем поначалу также был избран Исаев). После обсуждения проектов сметы собранием было заслушано «заявление г. Иванова» (инициалы в тексте не указаны; по содержанию заявления можно предположить, что его озвучивал И. Н. Иванов, фактически возглавлявший труппу) «о невозможности дать спектакль вечером из-за отказа первых артистов»¹. Это сообщение вызвало волнение в труппе, постановившей «дать спектакль во что бы то ни стало при каком угодно составе». А. Н. Маслов предложил «обратиться к труппе с товарищеской просьбой выручить из создавшегося положения и предложить свои услуги». Была избрана комиссия для составления текста подобного обращения. Работа происходила в нервной обстановке и стоила Исаеву председательского места: обвиненный в редактировании постановления труппы, он сложил свои обязанности и его место занял Маслов. Б. Г. Романов, взяв слово, высказался «о причинах развала и о необходимости искоренения этого зла в наикратчайшее время», но труппа не была настроена в этот момент на теоретические рассуждения, решив «в первую голову озаботиться о вечернем спектакле и отложить выяснение причин всех неполадок на следующее собрание». Впрочем, на заседании нашли время для оглашения окончательных результатов выборов в Комитет. По итогам «второго тура» шесть артистов были избраны в этот орган (седьмого еще предстояло доизбрать), получив соответственно: А. Ю. Медалинский — 124 голоса, Т. П. Карсавина и И. Ф. Кшесинский — по 103, П. Н. Петров — 98, Л. С. Леонтьев — 76 и А. А. Алексеев — 69 голосов (всего в голосовании принял участие 131 человек). Состав Комитета, таким образом, обновился весьма незначительно — из не входивших в прежний состав в этом списке был только Леонтьев [3, л. 50–50 об.].

¹ Вечером 6 марта в Мариинском театре планировалось показать для абонентов 2-го балетного абонемент — 1 и 2 действия балета «Коппелия» и 3 действие балета «Пахита» [4, с. 2].

Собрание, завершившееся 6-го числа ввиду «важности событий и малочисленности», возобновилось (под председательством Маслова) 7 марта. Первым делом были заслушаны заявления И. Н. Иванова (на тот момент — главного режиссера), режиссера Н. К. Иванова и репетитора, а также по совместительству руководителя труппы² А. М. Монахова о «сложении своих служебных обязанностей ввиду полной разлухи». Разумеется, началась дискуссия, слово взяли и другие артисты; в результате общим собранием было решено «предложить комитету немедленно выработать основные пункты инструкций для руководства: репетитору, и режиссер[скому] управлению». После этого, как выделось труппе, «подчиняясь вновь выработанным правилам, артисты внесут ту дисциплину, которая даст возможность лицам, подавшим заявление об отставке, работать более или менее нормально». Ввиду ожидаемой нормализации собрание предложило, чтобы «отказывающиеся лица заняли свои места» (что последние, судя по всему, — протокол здесь обидно лаконичен — и сделали); члены обновленного Комитета, в свою очередь, согласились «выработать инструкции в экстренном порядке». Правда, сам этот орган никак не удавалось окончательно укомплектовать: ввиду малого количества присутствующих на заседании (80 человек) две проведенные попытки голосования за седьмого члена Комитета хоть и выявили победительницу, Е. В. Лопухову, за которую было подано соответственно 56 и 62 голоса, но для избрания в Комитет требовалось 66 голосов [3, л. 51]. Избрание Лопуховой в Комитет удалось провести лишь на следующем общем собрании, 4 апреля [3, л. 61]. После присоединения Лопуховой к составу Комитета его члены, уже успевшие обсудить график своих дежурств [3, л. 53], в целом распределить функции и поставить перед общим собранием вопрос об оплате своего труда [3, л. 54] (последнюю было решено производить, отчисляя «на Комитет» 2 % жалованья каждого балетного артиста [3, л. 64 об.–65; 76]), смогли на заседании 10 апреля официально избрать своего постоянного председателя — артиста П. Н. Петрова (фактически уже исполнявшего председательские обязанности) [3, л. 63]. От Петроградского театрального (балетного) училища членом Комитета балетной труппы был 4 апреля избран И. С. Петров [5, л. 1], но он, судя по протоколам, участия в заседаниях (по крайней мере в рассматриваемый период) не принимал.

² Монахов, будучи репетитором, исполнял обязанности руководителя с 1 января 1918 г.; что же касается И. Н. Иванова, еще в 1917 г. избранного на должность управляющего труппой (и именовавшегося так еще в протоколах заседаний, проводившихся в феврале 1918 г.), к весне 1918 г. он состоял в труппе главным режиссером [3, л. 49, 54; 61–61 об.].

Комитет за работой

С избранием нового состава Комитета завершился управленческий кризис, разразившийся в феврале (хотя одна из его причин, пресловутая «разруха», конечно, никуда не делась). Весной 1918 года, в условиях, когда административная вертикаль в казенных театрах еще не вполне сложилась и окрепла после потрясений эпохи «саботажа», Комитет играл в жизни труппы особенно видную роль. Его члены рассматривали репертуар [3, л. 53, 59 об., 67; 77], обсуждали проблемы, связанные с новыми постановками (подготовку декораций, работу композитора) [3, л. 64; 76; 77], принимали решения о награждении членов и руководства труппы за дополнительную работу [3, л. 54], обсуждали и поддерживали поступающие ходатайства о пособиях [3, л. 54; 71], официально выражали благодарность артистам (как правило, в случае выполнения ими экстренных замен в спектаклях) [3, л. 55; 58] и принимали решения о штрафах провинившихся [3, л. 55], а также об отмене штрафов в случае появления «оправдательных» аргументов [3, л. 57]. Они вели переговоры по заключению контрактов с действующими артистами и артистками Мариинского балета [3, л. 57; 66; 72; 80], выносили решение о приеме в труппу новых артистов (чаще отказывая, за неимением вакансии, ввиду преклонного возраста соискателя или вообще без объяснений) [3, л. 55 об., 58; 70; 74; 78 об., 80; 81 об., 83], а также о принятии на службу технического персонала [3, л. 64 об.].

Комитет вел служебную переписку с Петроградским театральным (балетным) училищем по вопросам преподавательского состава [3, л. 54; 78–78 об.; 80] (28 мая Комитет не без самонадеянности «доводил до сведения» председателя Конференции училища, что «для успешного и плодотворного ведения преподавания предметов, связанных с балетным искусством, необходимо, чтобы преподавательский состав назначался Комитетом Г[осударственной] Б[алетной] Т[руппы], как единственно отвечающим за сохранение балетного искусства и непосредственно заинтересованным, чтобы программа преподавания балетного искусства строго согласовалась с общим планом, установленным балетной труппой» [4, л. 2]) и приема в труппу воспитанников училища [3, л. 56]. Этот же выборный орган распределял роли в балетах [3, л. 72; 75] и рассматривал просьбы артистов о желании получить ту или иную роль [3, л. 55 об.; 59 об.; 62 об.], заявления об отпусках [3, л. 52; 59 об.], выдаче авансов в счет будущего жалованья [3, л. 67], повышении оклада [3, л. 78 об.], назначении пенсий [3, л. 62; 64; 83], переводах в более высокую группу артистов (из корифеев во вторые танцовщики и др.) [3, л. 57; 82], о бенефисах [3, л. 52] и благотворительных сборах [6, л. 42].

Часть подобных вопросов требовала впоследствии санкции общего собрания (к их числу относились, например, бенефисы: на общем собрании 1 июня было решено предоставить бенефис в будущем сезоне дирижеру Р. Е. Дриго,

в честь 40-летия службы [3, л. 81 об.]; ранее, на собрании 30 апреля, труппа большинством 55 против 53 решила отказать в бенефисе бывшему главному режиссеру Н. Г. Сергееву [3, л. 73 об.]). Свои решения, касавшиеся финансовых вопросов (о пенсиях, пособиях, вознаграждении артистов, а также о подписании контрактов и приеме в труппу), Комитет сообщал заведующему подотделом государственных театров Наркомпроса И. В. Экскузовичу, прося утвердить их [6, л. 7; 22; 27; 29–29 об.; 48; 67; 70].

Громкие отставки и тихие возвращения

В марте и апреле 1918 года балетную труппу лихорадило вследствие ухода целого ряда крупных артистов. Протокольная запись общего собрания 6 марта завершается заявлением Н. К. Иванова, осудившего перевыборы Комитета. Но в протокол, к сожалению, не попала реакция на его выступление, о которой можно узнать лишь из протокола следующего общего собрания (7 марта). В нем зафиксирована «подача заявления председателю за подписью 56 лиц, с протестом против оскорбительного поведения г. Владимирова на предыдущем собрании по отношению к г. Иванову 3[-му]». П. Н. Владимиров, выслушав это, «по желанию труппы извинился перед г. Ивановым 3[-м]», но, оскорбленный сам, попросил труппу «освободить его от данного обещания участвовать в 12 спектаклях». Фактически речь шла о нарушении контракта, немыслимом в дореволюционное время. Владимиров, впрочем, придал идейный характер своему выступлению «Я признаю единовластие», — заявил он, подчеркнув свое нежелание «подчиняться инструкциям комитета». Общее собрание артистов, не обремененное беспокойством о необходимости соблюдения контрактов, постановило «предоставить право г. Владимирову действовать совершенно свободно» [3, л. 51].

Хотя из имеющихся в нашем распоряжении документов трудно сделать однозначный вывод о сути разногласий Владимирова с Ивановым и большинством труппы, вполне можно допустить, что они были принципиального свойства. Владимиров принадлежал к «правой» части труппы, был в свое время близок к М. Ф. Кшесинской, а в декабре 1917 года во время противостояния между не признававшим власти большевиков Ф. Д. Батюшковым и А. В. Луначарским, написал письмо Батюшкову с выражением поддержки и сочувствия [7, с. 149–150]. В этом контексте не кажется позерством позиция артиста, выступившего за единовластие в период общего увлечения «демократией». Так или иначе, после 7 марта «отпущенный» труппой Владимиров оказался в интересном с юридической точки зрения (впрочем, многих ли она волновала весной 1918 года?) положении; фактически же этот выдающийся танцовщик покинул ряды Мариинского балета.

Но потери в рядах труппы этим не ограничились. 8 марта на заседании Комитета было заслушано заявление артистов А. Г. Орлова, А. Н. Обухова и В. А. Семенова об их уходе из труппы, на что Комитет постановил запросить от каждого из подавших заявление «отдельных, официальных прошений об отставках», так как коллективное заявление «не может быть рассматриваемо вообще как не имеющее надлежащей мотивировки по существу каждого отдельного лица» [3, л. 52]. Спустя почти две недели, на заседании Комитета 21 марта, главным режиссером И. Н. Ивановым были переданы отдельные заявления Обухова и Семенова об отставке (Орлов, по всей видимости, к тому времени раздумал покидать труппу). Хотя тексты самих заявлений в делах отсутствуют, по реакции Комитета можно в общем понять мотивы Обухова и Семенова. Члены Комитета, признав «выставленные причины не считать основательными для отставки», отметили, что, во-первых, «указание на отсутствие художественного репертуара <...> не отвечает действительности», а во-вторых, «факт оскорбления не имел места и никем из присутствующих на Общем Собрании не был отмечен, равно как и самими артистами, подавшими в отставку» [3, л. 56 об.]. Итак, речь шла об оскорблении, произошедшем, судя по всему, на последнем общем собрании труппы, 7 марта.

Более подробно этот сюжет разъясняется в сохранившемся в делопроизводстве Комитета машинописном письме к «Анатолию Николаевичу» (Обухову), составленном, возможно, председателем Комитета П. Н. Петровым (в документе автор не указан). Из текста письма становится ясным, что, помимо обвинений в слабом репертуаре и вообще несовершенстве управления, Обухов и Семенов были оскорблены выступлением А. Н. Маслова (согласно протоколу общего собрания 7 марта, Маслов был в числе выступавших по вопросу о «разрухе» в труппе, но суть его речи в документе не раскрыта [3, л. 51]. «Что касается до речи г. Маслова, в которой Вы усмотрели факт оскорбления, то я должен сослаться на мнение Общего Собрания, которое, как и лица, считающие себя оскорбленными, ничем не отметили [так в тексте. — П. Г.] указываемого Вами оскорбления, и тем самым не дало формального права считаться с фактом оскорбления как существовавшим. Г. Маслов, давая характеристику переизбрания Комитета, не назвал ни одной фамилии и ни на кого не указывал и поэтому никто из присутствующих на Общем Собрании не усмотрел в его словах желания кого бы то ни было оскорбить. Выражения же общего характера, ни на кого определенно не направленные и своевременно никем не опротестованные, не могут служить поводом для ухода со службы, тем более, что, помимо недостаточности основания для этого, вообще нет никакой связи между высказанным кем-либо своим личным мнением и Вашей службой» [6, л. 2 об.].

История с громким уходом трех артистов (Владимирова, Семенова и Обухова) из Мариинского балета получила неожиданное продолжение

10 апреля 1918 года. В этот день на очередное заседание Комитета явился Владимиров и заявил, что он хотел бы вернуться в состав труппы; артист без излишних мудрствований объяснил это тем, что он «соскучился без работы, а концертные выступления его не удовлетворяют». Однако Владимиров, планируя возвращение, отнюдь не являлся кающимся «блудным сыном», а напротив, ставил свои условия, нашедшие отражение в протокольной записи этого заседания. «Первым условием своего вступления в состав Г[осударственной] Б[алетной] Т[руппы] он ставит принятие в ту же труппу артистов Семенова и Обухова, так как без них он не может служить на сцене Мариинского Театра, будучи связан с ними нравственным обязательством». Владимиров пояснил далее, что и Семенов, и Обухов желают вернуться, но «не знают, в какой форме заявить о своем желании Комитету», так как «находятся до сих пор в неведении относительно поданного заявления об отставке». Комитет, выслушав это, постановил «ввиду выяснившегося положения полного неведения г-д Обухова и Семенова относительно поданной бумаги об отставке, подтвердить ранее посланные извещения о необоснованности причин отставки, в силу чего и неприемлемости ее». Также было решено «в ближайшем времени, ввиду выраженного желания, войти в переговоры с г. Владимировым о его гастролях на сцене Мариинского Театра» [3, л. 63–63 об.].

Так просто, по-домашнему, в духе патриархальных нравов решилась судьба трех «хлопнувших дверью» артистов. В течение нескольких ближайших дней Комитет направил Семенову и Обухову официальные бумаги с указанием на то, что их отставка не принята, и с извещением о времени заседаний Комитета, куда они приглашались для переговоров [3, л. 64; 6, л. 3–5]. Уже 17 апреля на очередном заседании Комитета обоим артистам было предложено приступить к своим обязанностям, с жалованьем в размере 8400 руб. в год впредь до заключения нового контракта [3, л. 66–66 об.]. Переговоры о контрактах растянулись до лета, Комитет в итоге согласился платить этим артистам по 9000 руб. [3, л. 72; 76; 84; 6, л. 50–51; 57].

Бытовые проблемы

Вторая половина сезона 1917–1918 годов характеризовалась не только масштабным вторжением политики в некогда размеренную театральную жизнь, но и непрерывно ухудшающимися бытовыми условиями. 28 марта 1918 года председатель Комитета балетной труппы П. Н. Петров (к тому времени еще официально не утвержденный, но уже ставивший подпись под документами как председатель) сообщал старшему врачу петроградских государственных театров Л. Ф. Бруннеру о ежедневно поступающих жалобах «на антисанитарное состояние Репетиционного зала и прилегающих к нему помещений, обслуживающих артистов и артисток во время репетиций, а также на невозможную

температуру зала и помещений, колеблющуюся от 4° до 10° выше 0». Петров просил Бруннера «принять меры для устранения означенных вредных для артистического труда условий» и немедленно приступить как к расширению помещений, предназначенных для артистов («посредством занятия кв. № 48»), так и к урегулированию температуры «до нормальной», «правильной организации уборки Репетиционного зала и всех помещений» и найме «специального лица для уборки» [6, л. 1]. Справедливые сами по себе требования Комитета было, однако, нелегко удовлетворить в условиях нехватки ни средств на наем новых работников, ни дров для отопления зданий.

Помимо холода и грязи, артисты, как и прочие жители Петрограда, чувствовали наступление голодного времени. Тема поисков продовольствия не раз поднималась в 1918 году на заседаниях служителей Терпсихоры. Так, на общем собрании 30 апреля Л. Ф. Бруннер сделал доклад «о получении продуктов» (содержание его речи и источник этого всеми желаемого блага в протоколе не раскрыты; артисты постановили послать «делегатом» за продуктами А. Н. Маслова) [3, л. 73 об.]. На заседании Комитета балетной труппы 27 мая артист Иванов (инициалы в документе не раскрыты) сообщил о «предоставлении возможности ввоза продуктов для собственного употребления»; члены Комитета решили принять это к сведению и посоветоваться с И. В. Экскузовичем [3, л. 78]. В некоторых случаях Комитет балетной труппы полагал удобным действовать от своего имени, как органа, представляющего интересы артистов. 17 мая Комитет официально обратился в Комитет кондитерской фабрики «Жорж Борман», попросив «предоставить нашему Коллективу (180 чел.), ввиду чисто физического усиленного труда и теперешнего плохого питания, 5 пуд. какао, 5 пуд. шоколада в плитках и 5 пуд. печения или карамели по фабричной цене». Артисты, следуя уравнительному духу времени, обещали, что «все отпущенные продукты будут распределены поровну на каждого члена Коллектива» [6, л. 38]. Любопытно, что указанное в отношении число явно превышало штатную численность труппы (в отношении в наркомат торговли и промышленности от того же 17 мая указывалось, что балетная труппа «состоит из 72 артистов и 87 артисток» [6, л. 39]) и, возможно, включало в себя также технический и служебный персонал.

Помимо общечеловеческих нужд (чистота, тепло, еда), артисты балета нуждались и в целом ряде профессиональных принадлежностей, доставать которые также становилось все труднее. 17 мая Комитет балетной труппы обратился в районный комитет по кожевенным делам Народного комиссариата торговли и промышленности с просьбой «снабдить Государственную балетную труппу ордерами на получение обуви вследствие возникшей в ней крайней нужды среди артистов, несущих усиленную работу на спектаклях и репетициях» [6, л. 39]. Выдающиеся артисты могли претендовать на индивидуальное

отношение и в этом вопросе. 7 июня Комитет, обращаясь в Канцелярию государственных театров, напомнил, что по установленным нормам «балерине, танцующей балет, полагается выдавать на каждый акт балета по одной паре танцевальной обуви», однако «балерины г-жа Карсавина и г-жа Смирнова не могут носить казенную обувь, как неудобную для ноги, пользуясь своей», в связи с чем Комитет настаивал на компенсации им расходов, принимая во внимание, что «казенная цена туфель уже возросла с 4-х рублей 95 коп. до 15 руб.» [6, л. 59]. В делопроизводстве Комитета сохранились «обувные» счета от Е. А. Смирновой [3, л. 64 об.] и Т. П. Карсавиной. К примеру, последняя (пользуясь в этом поддержкой от Комитета) требовала от Канцелярии возмещения «по казенной цене» за 98 пар обуви за период с 1 января по 1 мая 1918 года [6, л. 56]. Впрочем, недостаток чувствовался не только в обуви, но и в других, ранее, быть может, незаметных вещах. На заседании Комитета труппы 13 апреля был поднят вопрос о выдаче артисткам полотенец для грима (участники собрания, затруднившись сразу найти требуемое, постановили «изыскать средства для удовлетворения просьбы») [3, л. 65]. Наряду с исчезновением привычных благ проявляли себя и новые вызовы времени, одним из которых была введенная большевистской властью трудовая повинность; впрочем, признав власть большевиков, артисты смогли обезопасить себя от принудительного исполнения этой малопривлекательной обязанности. На общем собрании 28 февраля И. Н. Иванов сообщил, что «соответствующее ходатайство уже возбуждено» и выдача удостоверений об освобождении от трудовой повинности «ожидается сегодня же» [3, л. 49].

Старый, удобный и для жизни, и для творческой работы быт постепенно распадался (хотя проблемы, стоявшие перед петроградцами в начале 1918 года, были малозначительными в сравнении с теми, что им пришлось пережить в 1919–1920 годах). Этот распад шел рука об руку с прогрессирующим упадком дисциплины, грозившим нанести непоправимый урон некогда блестяще организованному, «образцовому» театру.

Борьба за дисциплину

15 марта 1918 года в начале спектакля «Спящая красавица» неожиданно оказалось, что поднимать занавес некому. Комитет балетной труппы доносил впоследствии в Канцелярию петроградских государственных театров, что на месте не было занимающихся этим обычно рабочих; также «отсутствовали машинист-механик, его помощники и другие лица технического персонала». В итоге занавес был поднят лишь «Главным режиссером при содействии двух артистов балета». Сообщая «о таком беспримерном в истории образцового театра случае», Комитет просил «принять все меры для предотвращения подобных безобразных упущений в будущем». Недавно вставший во главе казенных театров

Петрограда И. В. Экскузович, разделяя негодование танцовщиков, назвал этот инцидент в наложенной им резолюции «невозможным происшествием», но сам расследовать его не стал, переадресовав эту функцию другим, выборным организациям — «Автономному Совету» Мариинского театра и Центральному комитету государственных театров (последний был организацией технического персонала) [8, л. 1–1 об.]. «Власть», казалось, плавилась в театре, как мираж в глазах странника в пустыне, и в случае «происшествия» было неясно, кто же должен покарать виновных и навести порядок.

Впрочем, когда дело касалось самих артистов, последнюю функцию брал на себя Комитет балетной труппы. На своем заседании 20 марта члены Комитета постановили оштрафовать на треть месячного оклада артистку О. В. Федорову «за неявку на спектакль балета “Конек-Горбунок” 16-го марта без объяснения причин». Тогда же было решено оштрафовать и курьеров, не явившихся на службу 20 марта (также без объяснения), однако после обсуждения этого вопроса члены Комитета сочли возможным ограничиться выговором «с предупреждением в дальнейшем возможности наложения штрафа» [3, л. 55]. 6 апреля Комитет вынес строгий выговор («с предупреждением, что аналогичные случаи в будущем повлекут за собой штраф») ряду артистов, участвовавших 31 марта в спектакле «Дочь фараона», а именно: А. А. Федоровой и Л. С. Леонтьеву (к слову, члену и секретарю Комитета, присутствовавшему на заседании) за «невнимательное отношение к исполняемой роли», О. А. Спесивцевой («несвоевременный выход по сюжету»), Ц. В. Спрышинской («неровное исполнение танцев в 1-м акте»), а также Г.-Ю. Ф. Гольде, К. К. Лобойко, Е. Е. Бибер и Е. Н. Стремляновой («нестройное, небрежное отношение»). Комитет решил обратиться к труппе с воззванием «о поведении на сцене, достойном звания артиста Государственных Театров», поручив выработать текст обращения главному режиссеру И. Н. Иванову. Также 6 апреля было решено оштрафовать А. А. Федорову, сначала отказавшуюся от исполнения назначенной ей роли в балете «Дон Кихот», на который она не явилась; за отказ танцовщицу наказали на одну десятую, а за неявку — на треть месячного жалованья [3, л. 62–62 об.].

Борьба Комитета с нерадивыми исполнителями продолжалась и в дальнейшем. На заседании 26 апреля после заявления репетитора А. М. Монахова о «небрежном и недобросовестном отношении к своим служебным обязанностям» А. Ю. Медалинского, Ф. В. Лопухова, А. И. Бочарова и председателя Комитета П. Н. Петрова, провинившихся во время исполнения мазурки в балете «Коппелия», и артистки Н. А. Баранович, танцевавшей в «Эсмеральде», Комитет объявил этим артистам «строгий выговор» с угрозой в случае повторения проступка наложить штраф [3, л. 71 об.]. 14 мая Комитет поручил главному режиссеру вызвать артистку кордебалета К. А. Иконникову «для объяснения по поводу манкирования ею своими служебными

обязанностями» [3, л. 75 об.]. 21 мая было решено оштрафовать дирижера В. П. Лачинова, «как уехавшего самовольно в Финляндию» [3, л. 77]. На заседаниях Комитета внимательно рассматривались медицинские свидетельства заболевших артистов: его члены требовали от Л. Ф. Бруннера, чтобы на подобных документах врачи делали пометку о серьезности заболевания и необходимости пребывания артиста дома [3, л. 56–56 об.]. Представленное артисткой О. В. Федоровой свидетельство о болезни, полученное от частного врача «задним числом», члены Комитета не посчитали достаточным для снятия наложенного на нее штрафа и отправили «на санкцию» Бруннеру [3, л. 64 об.].

Органы самоуправления труппы боролись с прогулами не только спектаклей, но и заседаний; так, на общем собрании 1 апреля было решено штрафовать на 25 рублей за неявку на следующее подобное собрание 4-го числа [3, л. 60]. На заседании Комитета 23 апреля было занесено в протокол отсутствие члена Комитета А. А. Алексеева «без объяснения причин» [3, л. 70] (ранее такие же претензии высказывались в адрес А. Ю. Медалинского, попытавшегося 17 апреля оправдаться [цит. далее по недоверчиво составленной протокольной записи. — П. Г.] «Непосещение свое А. Медалинский объяснил своими уроками в Кадетском Корпусе, о чем якобы своевременно поставил в известность председателя Комитета» [3, л. 65; 66 об.]).

В поисках балетмейстера

Отъезд М. М. Фокина за границу (23 января А. В. Луначарский подписал ему удостоверение, разрешающее выезд в Швецию «для устройства балетных спектаклей» [1, с. 13]) поставил труппу перед фактом отсутствия яркого и талантливой балетмейстера, которого, очевидно, не могли заменить ни выборный Комитет, ни даже само общее собрание. Осмысление факта эмиграции Фокина происходило постепенно. Так, 20 марта Комитет постановил прекратить с 14 февраля выдачу содержания Фокину и его супруге В. П. Фокиной [3, л. 55]. На общем собрании 4 апреля большинством в 61 голос (против 10) было решено «уволить Веру Фокину из состава труппы с правом поступления вновь» (правда, позже выяснилось, судя по отметке в протоколе, что нужного для увольнения числа голосов не было — за это должны были проголосовать $\frac{3}{4}$ присутствующих, последних же было более ста человек, из которых многие, судя по всему, воздержались) [3, л. 61–61 об.]. Так или иначе, голосование показало, что с супругой балетмейстера труппа была готова расстаться. 27 мая Комитет постановил заменить так формально и не уволенную Фокину в «Испанском танце» в «Лебедином озере» «артисткой Дубровской, как более подходящей к этому танцу, в паре с артисткой Федоровой 3[-й]» [3, л. 78 об.].

Отношение артистов к самому Михаилу Михайловичу было более сложным. На заседании Комитета 26 апреля И. Н. Иванов сделал заявление

«о невозможности прибытия» Фокина «в срок из отпуска». Члены Комитета постановили принять это к сведению, зафиксировав в протоколе, что срок отпуска «кончается 10-го апреля с. г.», — проще говоря, он уже закончился [3, л. 71]. Несмотря на очевидную задержку, в труппе не теряли надежду на возвращение мастера. 2 мая, обсуждая с Н. Н. Черепниным условия новой постановки его балета «Нарцисс и Эхо» (ранее уже поставленного Фокиным), Комитет постановил «к постановке привлечь М. М. Фокина, если он откажется, то изыскать средства к постановке при участии другого балетмейстера» [3, л. 77].

Последнее, впрочем, было легко решить теоретически, но трудно воплотить в жизнь, так как выбор балетмейстеров был невелик, да и сам Комитет вел себя в этом вопросе весьма осторожно. 14 июня, рассматривая заявление А. И. Чекрыгина, просившего предоставить ему право постановки балета «Роман бутона розы» или «какую-нибудь другую постановку в балете или опере», члены Комитета постановили, «так как артист А. Чекрыгин еще не зарекомендовал себя как балетмейстер», «испробовать балетмейстерские способности артиста Чекрыгина в будущем сезоне в одной из намечаемых оперных постановок и отдельного [так в тексте. — П. Г.] балетного номера» [3, л. 83]. Конечно, труппа с отъездом Фокина не осталась совершенно обезглавленной — в ней пока еще продолжал работать Б. Г. Романов, с которым Комитет провел 6 апреля очередные переговоры о постановке нового балета «Сольвейг» на музыку Э. Грига «с вознаграждением в сумме 4-х тысяч за балетмейстерскую работу и авторство» (к оркестровке балета был привлечен Б. В. Асафьев) [3, л. 62 об.]. И все же Мариинскому балету в 1918 году недоставало такого яркого художественного руководителя, каким был Фокин, и полноценной замены ему пока не было видно на горизонте.

Промежуточные итоги

Начиная с конца января 1918-го, когда был установлен «контакт» с большевиками, будущее Мариинского балета приобрело несколько большую определенность, чем в отчаянные месяцы «саботажа». И все же в 1918 году прославленная труппа работала в таких условиях, с какими ее предшественники за полтора столетия истории императорских театров не сталкивались. Нарастающий вал бытовых проблем, внутренние конфликты дисциплинарного и личного характера, эмиграция ведущего балетмейстера, не до конца понятные и определенные отношения к новой власти — все это в совокупности представляло собой серьезный вызов, брошенный революционным временем храму Терпсихоры. В подобной ситуации особое значение приобретала способность артистов самоорганизовываться и с должной ответственностью восполнять вакуум власти. Работа Комитета балетной труппы, без которого в это время не решался ни один вопрос внутренней жизни театрального коллектива,

в целом показала зрелость и преданность делу. Неспособные, конечно, заменить труппе Фокина, члены Комитета по мере сил пытались поддерживать дисциплину (объявляя выговор за упущения порой и собственным членам) и обеспечивать достойные условия работы, что, конечно, играло важную роль с точки зрения сохранения Мариинского балета как художественного целого в тяжелейший период истории России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордеев П. Н. Терпсихора против Совнаркома: балетная труппа Мариинского театра в ноябре 1917 — январе 1918 года // Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой. 2022. № 3. С. 6–17.
2. Хроника // Обозрение театров. 1918. 20 февраля. С. 9.
3. Протоколы заседаний Комитета государственной петроградской балетной труппы и общих собраний труппы (подлинные и частично вместе с черновиками) // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 657. Оп. 1. Д. 7.
4. В театрах // Обозрение театров. 1918. 6 марта. С. 2.
5. Переписка с Комитетом балетной труппы о деятельности труппы // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. Р–259. Оп. 1. Д. 4.
6. Переписка Комитета государственной петроградской балетной труппы с организациями, артистами и служащими театров по вопросам: охраны труда, репертуара, приема на работу, увольнения и перевода // РГАЛИ. Ф. 657. Оп. 1. Д. 4.
7. «В лице Вашем имеем дело с кристально чистым человеком». Письма деятелей культуры Ф. Д. Батюшкову. Декабрь 1917 г. (П. Н. Гордеев) // Исторический архив. 2016. № 1. С. 143–151.
8. Протоколы заседаний комитета Совета государственной оперы и материалы к ним // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р–260. Оп. 1. Д. 21.

REFERENCES

1. Gordeev P. N. Terpsihora protiv Sovnarkoma: baletnaja truppa Mariinskogo teatra v nojabre 1917 – janvare 1918 goda // Vestnik Akademii Russkogo baleta im. A. Ja. Vaganovoj. 2022. № 3. P. 6–17.
2. Hronika // Obozrenie teatrov. 1918. 20 fevralja. P. 9.
3. Protokoly zasedanij Komiteta gosudarstvennoj petrogradskoj baletnoj truppy i obshhih sobranij truppy (podlinnye i chastichno vmeste s chernovikami) // Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva (RGALI). F. 657. Op. 1. D. 7.

4. V teatrah // Obozrenie teatrov. 1918. 6 marta. P. 2.
5. Perepiska s Komitetom baletnoj truppy o dejatel'nosti truppy // Central'nyj gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva Sankt-Peterburga (CGALI SPb). F. R-259. Op. 1. D. 4.
6. Perepiska Komiteta gosudarstvennoj petrogradskoj baletnoj truppy s organizacijami, artistami i sluzhashhimi teatrov po voprosam: ohrany truda, repertuara, priema na rabotu, uvol'nenija i perevoda // RGALI. F. 657. Op. 1. D. 4.
7. "V lice Vashem imeem delo s kristal'no chistym chelovekom". Pis'ma dejatelej kul'tury F. D. Batjushkovu. Dekabr' 1917 g. (P. N. Gordeev) // Istoricheskij arhiv. 2016. № 1. P. 143–151.
8. Protokoly zasedanij komiteta Soveta gosudarstvennoj opery i materialy k nim // CGALI SPb. F. R-260. Op. 1. D. 21.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гордеев П. Н. — д-р ист. наук, ст. науч. сотр. кафедры русской истории (XIX–XXI вв.);
petergordeev@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-2842-4297
SPIN-код: 1814-1520

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gordeev P. N. — Dr. Habil. (History), Senior researcher of the Department of Russian history (The 19th – 21st centuries); petergordeev@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-2842-4297
SPIN-code: 1814-1520